

НАЦИОНАЛЬНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАНАХ (КЕЙСЫ МОЛДОВЫ И РОССИИ)

О. А. Сиденко, Д. В. Щеглова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 25 мая 2016 г.

Аннотация: статья посвящена факторам и условиям национального строительства в постсоветских России и Молдове. В числе эндогенных рассматриваются, прежде всего, социально-экономические и социокультурные факторы. Ключевая проблема – этническое и религиозное возрождение, тесно связанное с конструированием «usable past». Дополнительнымотягчающим фактором выступает использование мягкой силы соседними государствами.

Ключевые слова: нация, национализм, национальное строительство, идентичность, этноцентризм, ирредентизм, геополитика, миграция.

Abstract: the paper is devoted to the factors and conditions of nation-building in post-Soviet Russia and Moldova. There are very complicated set of factors in such societies. The main focus is on the social, economic and cultural factors and conditions. The most essential problem is the religious and ethnic revival connected with specific reflection of the cultural and historical heritage left over from previous generations. A «soft force» using by neighboring countries makes it much more difficult.

Key words: nation, nationalism, nation-building, identity, ethnocentrism, irredentism, geopolitics, migration.

Процесс национального строительства традиционно является объектом пристального внимания ученых. Особый, как теоретический, так и практический, интерес он представляет в том случае, когда общностью обретается полнота государственного суверенитета вследствие распада Федерации. Удастся ли достичь и закрепить консенсус по поводу оснований национальной идентичности, выстроить желаемый образ будущего и создать пространство для практической реализации общественных и политических инициатив снизу, во многом зависит от сочетания факторов эндогенного и экзогенного характера.

Образовавшись после распада мировой державы, постсоветские политии унаследовали проблемы непростых отношений между ядром и периферией. Неизбежные конфликты относительно распределения ресурсов здесь отягощались последствиями принятых в прошлом политических решений, феноменом «пограничья» [1; 2], различного рода фобиями и мифами, подпитывавшими национал-патриотические настроения.

Идентичность советского образца выстраивалась вокруг жесткой дихотомии «свой» – «чужой». Важно понимать, что сознание подобного типа характеризуется крайней инерционностью, и своего рода ренессанс биполярности создает неблагоприятные условия для завершения национального строительства в странах, попадающих в поле конфликта крупных по-

литических сил¹. Это определяет следующие **постулаты рассмотрения заявленной проблематики:**

1. Политическим элитам постсоветских стран приходится завершать процессы нациестроительства, испытывая мощное давление со стороны как мировых, так и региональных политических акторов. Таким образом, мы не можем анализировать происходящее, учитывая только эндогенные факторы. Ключевым экзогенным фактором до недавнего времени являлось использование мягкой силы доминантными игроками и соседними государствами. В настоящее время все чаще используются приемы, характерные для жесткого противостояния.

2. Усиливается роль эмоциональной, визуально-образной составляющей в публичной политике, акцент смещается в сторону «мира репутаций» (терминология Тевено и Болтански) [4]. В сочетании с возрастающей технологизацией жизни человека и общества это дает дополнительные возможности для манипулятивного воздействия со стороны властных структур и ресурсно обеспеченных акторов.

3. При разрушении сложных социальных порядков наблюдается не только возрождение более примитивных, основанных на личном доверии форм социальных связей (кланы, клики, клиентеллы), но и

¹ Данный тезис опирается на вывод П. Салинса об обострении проблемы идентификации в рамках локальных сообществ, попадающих в поле конфликта крупных политических сил [3].

повышение значимости в жизни индивида социальных образований витального типа – этнических и конфессиональных общностей. Этнический и религиозный ренессанс часто склоняют чашу весов в пользу примордиалистских трактовок нации, что, однако, не означает отказа правящих элит от конструирования.

4. Воздействие комплекса внутренних факторов может быть рассмотрено сквозь призму зависимости от предшествующего развития [5–7], с одной стороны, и сегментации социального пространства, превращения переходности в константу – с другой. В целом, процессы работают на разрыв социальной ткани, ставя политические элиты в очень сложное положение.

5. Национальный нарратив на постсоветском пространстве конструируется таким образом, чтобы легитимировать существующий политический порядок и элиминировать исторический опыт, способный подпитывать альтернативное видение. Создается «usable past» (терминология Р. Утза) [8, p. 628].

6. Целесообразно накопление данных о национальном строительстве в государствах, ранее составлявших единое политическое целое. Тщательный анализ в рамках кластера необходим не только для выявления сходных черт и различий, но и для установления закономерностей без эффекта прокрустова ложа.

В данной статье рассматриваются два кейса, иллюстрирующие процессы, происходящие в ядре и на периферии распавшегося союзного государства. Российский и молдавский случаи не только позволяют увидеть палитру, но и проследить диалектику процессов национального строительства.

В ходе исследования, проводившегося авторами в рамках проекта «European identity, cultural diversity and political change» (EUinDepth project), осуществлялся анализ вторичной информации, а также использовались методы экспертных оценок (12 экспертных интервью в Молдове) и наблюдения (август–сентябрь 2014 г., г. Кишинев).

Молдавский кейс. На относительно небольшой территории Молдовы уникальнейшим образом пересекаются романская, славянская и тюркская культуры. Во времена СССР при конструировании молдавской идентичности были задействованы политизированные коннотации во всех сферах культуры, особенно в литературе, где основными механизмами выступали противопоставление (Transnistrians vs Bessarabians) и унификация (советский народ, *oviet Moldovans*)².

² Petru Negură, PhD in Sociology (from EHESS, Paris), Assistant Professor at the State Pedagogic University of Moldova, Chisinau. Engineering Moldovan Identity: Moldovan Writers from Stalinism to the Independence, 2012. URL: <http://www.criticatac.ro/19669/engineering-moldovan-identity-moldovan-writers-stalinism-independence/>

Эта сконструированная идентичность столкнулась с реалиями перестройки и распада СССР, провоцируя движение к истокам. Первым и самым важным завоёванием стало обретение языка. В феврале 1941 г. был принят закон о переводе молдавской письменности с латинского алфавита на кириллицу, закрепивший славянизацию языка. Искоренение символов панрумынизма, дискредитация «буржуазных националистов», русификация этноса привели к значительному уменьшению числа жителей Республики, считавших себя этническими румынами. При этом у представителей творческой и академической элиты Молдавской ССР румынская этническая самоидентификация сохранилась³. В частности, для них была очевидна искусственность молдавского языка, существовавшего именно как политический феномен. В августе 1989 г. произошло официальное признание за молдавским языком статуса государственного и перевод его на латинскую графику. Необходимо отметить, что празднование *Limba Noastra* в Молдове (31 августа) вызывает у населения глубокие эмоции и в настоящее время. Однако участники национального движения, сами того не подозревая, запустили цепь далеко идущих последствий: «баталии» по поводу оснований национальной идентичности, активизация румынского ирредентизма и рост межэтнической напряженности. Государственный язык является до сих пор предметом спора⁴.

Этноцентризм склоняет чашу весов в пользу примордиалистских трактовок, однако достижение долговременной динамической стабильности видится совершенно на других основаниях. Сложившаяся ситуация настойчиво требует ориентации на модель политической, гражданской нации, и это является одним из важнейших условий интеграции общества.

Отягчающим фактором выступает отсутствие общественного консенсуса как по поводу будущего, так и относительно прошлого. В частности, существуют десятки учебников истории (истории румын и всемирной истории), предлагающих совершенно разное, одностороннее и нередко весьма ригористское видение прошлого. В рекомендованных Министерством Республики Молдова изданиях содержится типичный для постсоветских стран вариант нацио-

³ В настоящее время сохраняется сходная ситуация: среди обывателей доля лиц с этнической румынской самоидентификацией не увеличилась, при этом она существенно выше в среде творческой интеллигенции, журналистов, ученых и части политической элиты.

⁴ Согласно Декларации о независимости Республики Молдова государственным языком является румынский, а в соответствии со ст. 13 Конституции Республики Молдова – «молдавский язык, функционирующий на основе латинской графики». По решению КС Молдовы от 5 декабря 2013 г. норма Декларации признана превалирующей.

нальной истории, в котором образ идеальной нации перенесен в прошлое, а российский и советский периоды предстают как насильственный разрыв с традицией. На протяжении 2000-х гг. такие пособия использовались наряду с написанными молдовенистами, внося сумятицу в сознание молодежи. Не удивительно, что в данный период исследователи зафиксировали изменение у старших школьников – молдаван гетеростереотипа русских «с позитивной (выборка 2004 г.) выраженности на отрицательную, с низкими показателями выраженности (выборка 2008 г.)». Изучение этнических стереотипов старших школьников русских, гагаузов, болгар также выявило «тенденцию к негативной выраженности гетеростереотипа молдаван» [9, с. 22]. Ряд экспертов отметили, что политическая элита намеренно поляризует указанные идентичности. Они преподносятся как конфликтные, взаимоисключающие, что может послужить фактором дестабилизации ситуации в стране в будущем. Несколько сглаживает ситуацию приверженность молодых людей, независимо от этнической принадлежности, ценностям индивидуализма.

Ярчайшим образом румынизация прослеживается в политической топонимике. В 1990-е гг. в столице Молдовы наблюдался лавинообразный процесс смены прежних названий улиц. Многим из них были присвоены имена румынских деятелей: улица Николая Йорга – румынского историка и политика; улица Михаила Когэлничану – румынского государственного и политического деятеля, писателя и историка; улица Октавиан Гога – румынского поэта, драматурга и весьма одиозного премьер-министра и др. О возрастании румынского влияния говорят и памятники в Аллее Классиков. Фактически доктрина румынизма отрицает культурное своеобразие молдаван [10, с. 8], что, среди прочего, ведет к размыванию образа титульного этноса у молодых людей [9, с. 22].

Ярко выраженную объединяющую роль в молдавском обществе играет религия. Молдова относится к группе стран, в которых, по данным Международного исследовательского центра Гэллупа (Gallup International), в 2012 г. был зафиксирован значительный рост (на 4–6 %) доли религиозных граждан, при этом индекс религиозности в них и прежде был выше 70–75 % [11]. Более 90 % верующих относят себя к православным. Некоторая политизированность прослеживается и в этом аспекте: в контексте одной религиозной доктрины функционируют две церковные системы – Румынская православная церковь (Biserica Ortodoxă Română) и Молдавско-Кишиневская митрополия (Biserica Ortodoxă din Moldova). Ситуация при манипулятивном ее использовании политическими элитами вполне способна выступить в качестве конфликтного фактора, хотя в настоящее время сами прихожане проблемы в ней не видят [12].

В целом же социокультурное пространство современной Молдовы характеризуется значительной сегментацией, причем индивиды вынуждены взаимодействовать в полях разной плотности, качества и конфигурации, с разными механизмами адаптации и инклюзии. Это, с одной стороны, повышает гибкость, а с другой – создает дополнительное напряжение на уровне различных сред жизнедеятельности.

На основании полученных в ходе исследования данных был выделен **ряд факторов**, оказывающих влияние на среды, в которых происходит формирование, столкновение и трансформация идентичностей в Республике Молдова. Эти факторы целесообразно сгруппировать по следующим категориям:

- 1) демографические (соотношение сельского и городского населения, рождаемость, смертность и др.) и социально-экономические (качество и продолжительность жизни, уровень заработной платы, доля экономически активного населения и т. д.);
- 2) культурно-исторические (музеи, библиотеки, культурная жизнь, информатизация, культурная и символическая политика);
- 3) политические (функционирование политической системы, партии, идеологии).

Они влияют на формирование различных сред (среда поселения, информационная, культурная, профессиональная, образовательная, публичная политика) в разной степени. В данной статье раскрываются только те, которые были отмечены экспертами в качестве наиболее важных.

Таковыми выступают, прежде всего, демографические и социально-экономические условия и факторы формирования идентичности в Молдове. Обратим внимание на соотношение городского и сельского населения. В течение последних двух десятилетий XX в. в Молдове наблюдалось увеличение городского населения [13] вследствие притока сельских жителей, привлеченных более комфортными условиями и более высоким качеством жизни. В конце 1990-х – начале 2000-х гг. ситуация изменилась – миграция приобрела внешний характер и доля городского населения стала снижаться. Опрошенные в ходе исследования эксперты отметили факт увеличения оттока населения из сельской местности за рубеж (в Румынию, другие европейские страны и в Россию). Проблема рабочих мест и достойной оплаты труда превращают Молдову в одного из поставщиков рабочей силы на рынки труда соседних стран, фактически лишая страну возможности решить задачи модернизации и развития. Наблюдается сокращение экономически активного населения (с 1422 тыс. в 2005 г. до 1215 г. тыс. в 2012 г.) [14]. При этом экономически не активные лица по статистике на 2013–2014 гг. – это 65–66 % населения. Учитывая, что 18,2 % молодых

граждан Республики (в возрасте от 15 до 29 лет) работают за пределами своего государства, и из них три четверти – мужчины родом из сельской местности, то подобную ситуацию можно назвать катастрофической.

Как указали эксперты, молдаване стараются ассимилироваться на новом месте жительства, а не создавать «закрытые» анклав, что облегчает адаптацию и восприятие новых практик поведения. Это способствует тому, что следующее поколение уже вырастает с европейской идентичностью в европейской же среде. Хотя последняя сама по себе весьма неоднородна. Их приобретенная идентичность – территориальная, она не носит характера признания общего «европейского дома». То есть молдаванин становится скорее корсиканцем, флорентийцем, каталонцем, итальянцем, нежели европейцем в широком понимании. Благодаря прочным связям с диаспорами, а также культурным и образовательным программам происходит интериоризация ценностей и практик других обществ и в самой Молдове. Особую роль играет система образования, включенная в Болонский процесс и в немалой степени способствующая внешней миграции. Необходимо отметить, что выезд с целью получения образования осуществляется не только в страны ЕС, но и в Россию и Турцию.

В самой Молдове новые европейские стандарты жизни приходят в противоречие с национальными реалиями, т. е. высоким уровнем безработицы, низким уровнем оплаты труда. Наиболее уязвимыми по показателям качества жизни являются пожилые люди, дети и молодежь, которые фактически оказались исключенными из общественной жизни. Среди пожилых горожан в возрасте от 70 до 75 лет абсолютная бедность достигает 43 % [15]. По качеству жизни пожилых людей Молдова занимает 77-е место [16]. Возможности самореализации молодежи, включая карьерный рост и достижение материального благополучия, в Республике Молдова также весьма ограничены. Спрос на рынке труда не соответствует предложению, к тому же занятость за рубежом воспринимается гораздо более привлекательной как с позиций условий труда, так и его оплаты. Большая часть проектов, в которых участвует молдавская молодежь, иницируется и финансируется «извне» (Румыния, ЕС, Россия, США, Турция и т. д.), что также усиливает ориентацию на внешних акторов и препятствует формированию общенациональной идентичности. По этой причине некоторые из экспертов выразили обеспокоенность за судьбу суверенной Молдовы. Если не повернуть нарастающий социальный кризис «вспять», это вполне может привести к тому, что Молдова будет не в силах решить эти проблемы иначе, как путем присоединения к

более сильному государству, в роли которого на данный момент выступает Румыния⁵.

У политической элиты нет проекта развития с проработанным технологическим блоком, что вполне объяснимо с учетом обозначенных выше сложностей. Инвестиционные возможности национальных хозяйствующих субъектов и государства весьма скромны. Имеющиеся опции преимущественно сводятся к преодолению иждивенческих настроений, проявлению инициативы, развитию малого, среднего бизнеса и различных форм кооперации. Чаще всего на различных форумах, образовательных и дискуссионных площадках слышатся призывы разорвать ментальные пути советского образа жизни и начать мыслить в логике общества ответственных собственников. Этому препятствуют не только инерционность мышления, экономические реалии, но и высокий уровень коррупции, характерный практически для всех постсоветских стран. Последний выступает также препятствием на пути интеграции в европейское пространство. Европейский вектор внешней политики является для Молдовы основным не только ввиду соответствующего консенсуса внутри правящей элиты, но и по причине отсутствия равно привлекательной перспективы и финансовой поддержки со стороны России. Общий объем российских инвестиций в экономику Молдовы оценивается в пределах 0,5 млрд долларов [19], а участие в различных программах помощи и сотрудничества в сферах науки, образования и культуры несопоставимо с масштабами активности западных соседей. Помощь, оказываемая ЕС в рамках Европейского инструмента соседства (ЕИС) в 2014 г. составила 131 млн евро [20]. Причем в конце 2013 г. Европарламент принял решение о сохранении финансирования по фондам, предусмотренным ЕИС, на период 2014–2020 гг. в объеме свыше 51 миллиарда евро [21]. Финансовые средства используются для продвижения реформ в сферах экономики, образования, юстиции, публичной администрации. Большая часть этих средств необходима для имплементации Соглашения об ассоциации, накладывающего на страну серьезное бремя обязательств. Последнее, наряду с другими издержками интеграционного процесса, не может не порождать политических споров. Один из ключевых вопросов в связи с этим – сможет ли Молдова создать механизмы и практики, поддерживающие конструктивный диалог

⁵ Именно такого рода сценарий представлен в проекте объединения Молдовы с Румынией к 2018 г., разработанном бывшим советником премьер-министра Румынии, экспертом Фонда университета Черного моря Румынской академии наук Петришором Пую в преддверии 100-летнего юбилея присоединения Бессарабии к Румынии. Подавляющее большинство румын в том или ином варианте поддерживают идею единого государства, в Молдове подобную позицию разделяют менее четверти опрошенных [17; 18].

лог между конкурирующими политическими силами по образу и подобию демократических западных стран, как это произошло, к примеру, в Болгарии? Что касается возможностей экономического влияния со стороны Румынии посредством инвестиций, то его следует признать весьма ограниченным. Основными рычагами для Румынии выступают предоставление гражданства, культурные связи и образовательная политика. В самой Румынии не приветствуется культивирование региональных идентичностей⁶, что ввиду распространения «румынизма» в современной Молдове препятствует созданию уникального культурного «продукта» и фактически отдаёт брендирующие территории на откуп политике и экономике. Политически линия размежевания проходит между сторонниками (преимущественно правыми партиями и частью интеллектуалов) и противниками (ПСРМ и молдовенистами) объединения с Румынией. По мнению директора Института эффективной политики Виталия Андриевского, к президентским выборам 2018 г. «будет сформирован мощнейший юнионистский блок, который, наверное, возглавит Бэеску, и это будет очень тяжелый год для Молдовы» [22].

В целом, приходится признать, что молдавский социум, осуществляющий своего рода магистральный выбор, находится под перекрестным давлением со стороны государств, более мощных и заинтересованных в продвижении своих экономических и геополитических интересов. Наблюдается серьезная политизация этничности. Как отмечают сотрудники Института культурного наследия Академии наук Молдовы, «процесс этнического самоопределения сегодня приобретает особую значимость в связи с неустойчивостью социальной структуры общества и противоречивостью поля социальных маркеров» [9, с. 21].

Российский кейс. Россия не просто была одной из республик союзного государства, она выступала в качестве «большого брата» – ядра советской системы, что налагало на правящую элиту дополнительную ответственность. Курс на демократизацию вызвал закономерное желание дистанцироваться от социалистического прошлого, при этом символическая политика вызывала как минимум недоумение. Новые символы конструировались сугубо политтехнологически, и последствия, как правило, не заставляли себя ждать.

Россия стала правопреемницей СССР и впоследствии взяла на себя роль движущей силы реинтеграции постсоветского пространства, однако не справилась с ней по большей части из-за внутренних причин. Ни в 1990-е гг., ни позднее не был предложен проект развития, позволявший решить задачи модернизации,

⁶ К примеру, решение о легализации символов местных сообществ в Румынии было принято в 2013 г. исключительно под давлением ЕС.

обеспечить динамическую стабильность. Крайняя скудость ресурсов, а затем их неэффективное использование приводили к тому, что интеграционные процессы продвигались только на бумаге. В то же время накапливались претензии, обиды и непонимание как со стороны России, так и других участников СНГ.

Множественный негативный эффект имел рост национализма на постсоветском пространстве. Правящие элиты не устояли перед искушением использовать образ врага в лице России для национальной консолидации, усиливая фобии и порождая недоверие. Свидетельством неблагополучия стала вынужденная миграция русскоязычного населения. В самом же российском обществе все острее ощущались психологическая травма, вызванная утратой статуса великой державы, и нежелание нести бремя ответственности за тоталитарное прошлое в одиночку. Дополнительным отягчающим фактором выступил этнонационализм в республиках Российской Федерации, спровоцировавший актуализацию проблемы прав большинства. Очевидно, что русский национализм отличается ярко выраженным реактивным характером, однако, помимо объективных оснований, здесь прослеживается существенная манипулятивная составляющая. Правящая элита, неспособная обеспечить устойчивый, сбалансированный экономический рост и водворить правопорядок, канализировала общественное недовольство в сферу межэтнических отношений.

Деградация производственной базы, массовое обнищание населения, распространение асоциального поведения, деформализация и даже криминализация социальных практик, аморализм требовали неотложных мер по восстановлению управляемости и государственного суверенитета. Последовал авторитарный откат, изменивший также направленность процесса национального строительства. В повестку дня вернулся вопрос о цивилизационном выборе.

Стало выходить множество работ, посвященных цивилизационной специфике России, ее месту в истории и в современном мире. В частности, было опубликовано 6-томное издание под редакцией С. С. Сулакшина [23]. Особый путь превратился в своего рода клише, присутствующее в выступлениях политиков, публикациях в прессе, прослеживающееся на уровне массового сознания. По данным Левада-Центра, уже в 1999 г. 72 % опрошенных готовы были согласиться с мнением, что «Россия станет процветающей страной только за счет самобытности, двигаясь своим особым путем». В 2014 г. число таких респондентов возросло до 77 %. Тем не менее абсолютизировать эти данные не стоит. Во-первых, от 39 до 50 % опрошенных в разное время хотели бы видеть в идеале Россию в будущем «такой, как раз-

витые страны Запада» [24, с. 37]. Видимо, россиянам хотелось бы иметь европейские преимущества, избежав при этом европейских недостатков. Во-вторых, позитивное содержание «особости» просматривается по данным исследований весьма расплывчато, и почти для половины респондентов неочевидно само своеобразие. По замеру, произведенному Левада-Центром в 2015 г., 21 % не знали, «в чем, собственно, выражается "особый путь"», еще 14 % ничего не слышали об этом, 6 % не думали, «что российское развитие должно отличаться от развития других стран», и 5 % затруднились ответить [25, с. 45].

Двухтысячные ознаменовались обретением консервативного консенсуса, заключением своего рода социального договора – материальное благополучие в обмен на политические свободы, активным формированием правящей элитой своей социальной базы с использованием политических и социальных технологий, ростом популярности примордиалистского подхода, включением националистической риторики в политический дискурс.

В 2004 г. был установлен новый праздник – День народного единства (4 ноября). Несколько лет его празднование сопровождалось «Русскими маршами» с отнюдь не безобидными лозунгами: «Русской земле – русский порядок», «Конец оккупации – свобода русской нации», «Из врагов готовим фарш – это, братцы, "Русский марш"», что свидетельствовало как минимум о непродуманности решения. Впоследствии праздник был переименован в День согласия и примирения, но агрессивная лексика органически вплелась в набирающую силу консервативную волну, имеющую ярко выраженную антизападную, анти-модернистскую направленность.

В массовом сознании страны бывшего СССР воспринимаются как зона особых интересов России (по данным Левада-Центра за 2014 г. – 49 % опрошенных против 41 % респондентов, полагающих, что «отношения с ними нужно строить, как с любыми другими зарубежными государствами», и 11 % затруднившихся ответить). При этом только 24 % выразили согласие с мнением, «что Россия должна любыми средствами, если потребуется, то и силой, удерживать под своим контролем бывшие республики СССР» [24, с. 158]. Необходимо отметить, что события 2014 и 2015 гг. и их освещение в СМИ наложили свой отпечаток, как следствие, процент возрос до 35 [25, с. 211]. Однако это по-прежнему мнение меньшинства.

Российский ирредентизм носит, прежде всего, реактивный характер. Согласно данным Левада-Центра за 2014 г., 50 % опрошенных хотели бы, «чтобы Россия расширялась за счет территорий с компактным проживанием русскоязычного населения». Причина видится в обеспокоенности дискриминацией русских в бывших республиках СССР (58 % респондентов).

В качестве наиболее нестерпимых форм опрошенные указали: «запрет на официальное использование русского языка» (50 %); «психологическая дискриминация – оскорбления, угроза, травля, хамство» (42 %); «запрет или ограничения в школьном обучении на русском языке» (41 %); «грубое физическое давление – избиения, нападения, поджоги, погромы» (32 %); «понуждение к выселению и оставлению своих домов и территории» (29 %); «отказ в признании гражданами» (26 %) и др. Только 11 % заявили о том, что «ни о какой дискриминации русскоязычных в этих странах» они не знают [24, с. 156, 157]⁷. Экономический кризис, видимо, оказал некоторое отвлекающее действие – число полагающих, что «Россия имеет право присоединять к себе территории бывших республик СССР на основании заявлений о том, что проживающие там русские могут испытывать или уже испытывают ущемления своих прав», сократилось на 24 % (с 58 % в марте 2014 г. до 34 % в марте 2015 г.). Динамика по данному показателю подтверждается также ростом числа респондентов, предпочитающих видеть Россию в будущем в ее нынешних границах – с 32 до 57 % за тот же период [25, с. 212, 211].

События на Украине и последовавшая за ними конфронтация привели к серьезным подвижкам в массовом сознании. Как свидетельствуют данные социологических исследований, произошло укрепление национальной идентичности, сопряженное, однако, с феноменами, которые вряд ли можно назвать позитивными⁸. По данным Левада-Центра, с октября 2013 г. по октябрь 2014 г. на 16 % возросло число тех, кто гордится Россией. За два года – с октября 2012 по октябрь 2014 г. возрос процент согласных с утверждением «Говоря в целом, Россия лучше большинства других стран» – с 48 до 64 %. За тот же период уменьшился процент согласных с другим утверждением: «Мир стал бы лучше, если бы россияне признали недостатки России» – с 44 до 24 % [24, с. 33–35]. В 1990-е гг. в стране явно забыли китайскую поговорку: «Если вы не будете восхвалять свой дом, то его крыша упадет вам на голову». В настоящее же время наблюдается совершенно противоположный крен и критика превращается в удел политических маргиналов. Великодержавность выполняет ярко выраженную

⁷ В 1990-е гг. Россия получила миграционный прирост, почти в 2,5 раза превосходящий предыдущее десятилетие – 4,6 млн чел., и большую его часть составили этнические русские [26].

⁸ Особенно настораживает смещение в сознании границ допустимого. На вопрос «Как вы относитесь к заявлению В. Путина, сделанному им в фильме "Крым. Путь на родину", о готовности во время крымской операции использовать ядерное оружие?» 50 % опрошенных выразили одобрение, а тревогу и осуждение лишь 27 % [там же, с. 228].

компенсаторную функцию и позволяет правящей элите снижать транзакционные издержки.

В качестве внешнего противника позиционируются западные страны, прежде всего, США. Это объяснимо как длительностью периода холодной войны, так и мощным пропагандистским воздействием, апеллирующим к объективному столкновению национальных интересов и имперскому стилю внешней политики США. За два года число тех, кто считает, что России «следует укреплять взаимовыгодные связи со странами Запада», сократилось с 71 % в 2013 г. до 40 % в 2015 г., в то время как процент респондентов, рассматривающих крупнейшие западные страны (США, Германию, Японию, Великобританию и др.) в качестве «противников России, которые стремятся решать свои проблемы за ее счет и при удобном случае наносят ущерб ее интересам», возрос с 44 % в 2010 г. до 79 % в 2014 г. В октябре 2015 г. произошло небольшое снижение – до 75 % [25, с. 253].

Как напряженные и враждебные отношения между Россией и США в октябре 2015 г. оценили 45 и 29 % респондентов соответственно. Отношения между Россией и ЕС сочли напряженными 42 % опрошенных, а враждебными – только 12 % [там же, с. 259, 262]. По сравнению с началом 2015 г. существенно снизилась доля выбравших опцию «враждебные» по обоим показателям. Во многом это произошло вследствие общих угроз со стороны исламского фундаментализма и операции в Сирии. Целесообразно предположить, что негатив обусловлен именно несправедливой, по мнению обывателей, политикой западных стран в отношении России, а отнюдь не глубинными цивилизационными расхождениями, хотя консервативная волна и центральные телеканалы внесли свою лепту. Процент отрицательно относящихся к «западному» образу жизни возрос с 30 % в 2008 г. до 45 % в 2015 г. Всего лишь за год – с сентября 2014 по сентябрь 2015 г. – число тех, кто совершенно не ощущает себя человеком западной культуры, увеличилось на 10 %, составив 53 % [там же, с. 257]. По данным опроса, проведенного в июне 2015 г. Левада-Центром, 67 % респондентов выразили согласие с утверждением: «Западная культура оказывает отрицательное влияние на российскую жизнь» [там же, с. 253]. Очевидно, что пропасть между либеральной интеллигенцией и остальной частью российского общества становится все глубже.

Логика жесткого противостояния уже нанесла практически осязаемый урон: НКО, НПО, связанные с зарубежными партнерами, интеллектуалы, ориентированные на западные ценности, а нередко и просто граждане, выражающие недовольство системой управления, предстают в качестве «пятой колонны». На заседании коллегии Генеральной прокуратуры РФ В. В. Путиным были озвучены пугающие цифры:

«в 2015 году органами прокуратуры было установлено 3,2 миллиона нарушений прав и свобод граждан» [27]. Публичная политика фактически перестала выполнять свои функции. Как следствие, условия для формирования конструктивной альтернативы, полноценного диалога значительно ухудшились, и это существенно сузило адаптивные способности системы.

Справедливости ради необходимо отметить, что укрепление национального самосознания, во многом обусловленное психологией осажденной крепости, несколько снизило градус межэтнической напряженности в российском обществе. Как свидетельствуют данные социологических исследований, за год уменьшилось число тех, кто испытывал по отношению к приезжим с Северного Кавказа, из Средней Азии и других южных стран раздражение (с 25 % в 2013 г. до 20 % в 2014 г.) и неприязнь (с 30 % в 2013 г. до 21 % в 2014 г.). Правда, существенного роста симпатии и уважения также не произошло, предпочтительным вариантом по-прежнему является «никаких особых чувств» (39 % в 2013 г. и 42 % в 2014 г.), что позволяет говорить о смене негатива на безразличие. Кроме того, восприятие постсоветского пространства как зоны особых интересов Российской Федерации, видимо, изменило отношение и к нелегальным иммигрантам из стран ближнего зарубежья. Число тех, кто выступал за их выдворение из России, сократилось с 64 % в июле 2014 г. до 43 % в августе 2015 г. Одновременно возрос процент респондентов, полагающих, что нелегальных иммигрантов следует легализовать, помогать получить работу и ассимилироваться в России – с 19 до 41 [25, с. 197]. В качестве отягчающего фактора целесообразно рассматривать 51 % (на момент замера в августе 2015 г.) так или иначе симпатизирующих идее «Россия – для русских» [там же, с. 198].

На протяжении 1990-х гг. в Россию прибыло порядка 1 млн мигрантов титульных национальностей стран СНГ и Балтии [26, с. 182]. Демографическая ситуация и подъем в экономике привели к росту трудовой миграции иностранной рабочей силы едва ли не по экспоненте, превратив Россию в основную принимающую страну в СНГ. Эксперты оценивают долю иностранных работников, с учетом неурегулированной занятости, в пределах 8–10 %, что вполне сопоставимо с положением на рынке труда, сложившимся в Германии, Англии или Италии. При этом механизмы учета и адаптации мигрантов оставляют желать лучшего [28].

В ближайшие десятилетия России придется импортировать рабочую силу. Это возводит миграционную и национальную политику в ранг приоритетных направлений, ставит задачу снижения межэтнической напряженности роста толерантности и взаимоуважения. Очевидно, что успеха не достичь путем пере-

ключения внимания на внешнего противника. Жизненно необходимы конструктивный подход и продуманная стратегия развития, направленная на создание благоприятных условий для жизни и профессиональной деятельности, а также курс на построение политической нации, основанной на принципе гражданства. При этом особенности поля публичной политики наряду с возросшей инертностью политического сознания россиян⁹ фактически отдают решение задач в сфере конструирования проекта сообщества граждан в руки правящей элиты и политтехнологов, что, с учетом опыта прошлых лет, не может не настораживать. Правящей элите необходимо отказаться от масштабных манипуляций массовым сознанием. В противном случае страна, а вместе с ней и большая часть постсоветского пространства столкнутся с нарастанием серьезнейших рисков в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

В завершение необходимо отметить следующее. Создание наций в государствах, обретших независимость после распада СССР, находится под доминантным воздействием диалектической связи между национализмами меньшинства и большинства. В качестве ключевого отягчающего фактора выступают геополитические клеважи.

Большая часть факторов, осложняющих процесс национального строительства, сформировалась вследствие провалов системной трансформации и пренебрежения решением задач модернизации. Ахиллесовой пятой процесса национального строительства на постсоветском пространстве является слабость проекта нации граждан. Представляется, что, если Россия найдет рецепт решения своих внутренних проблем, это окажет значительное позитивное воздействие и на другие государства, ранее входившие в СССР.

⁹ Как отмечает И. В. Воробьева, «интересы населения в большей степени концентрируются на ценностях «близкой дистанции повседневности человека», и люди далеко не всегда улавливают «взаимосвязь между политикой и ситуацией в других сферах человеческой жизни» [29, с. 72]. Этот тезис также подтверждается данными, полученными в ходе исследования, проводившегося сотрудниками кафедры социологии и политологии ВГУ в рамках проекта «Модернизационный потенциал Воронежской области: опыт исследования и условия реализации» при поддержке РГНФ, грант 11-13-36001 а/ц. Первичная информация собиралась методом глубинного интервью. Необходимо подчеркнуть, что в качестве респондентов выступали представители потенциально инновационных групп, как правило, имевшие высшее образование и относительно высокий уровень дохода. В ходе беседы они, признавая наличие властных интересов, в редких случаях могли их ясно и четко сформулировать. Результаты исследования представлены в монографии [30].

ЛИТЕРАТУРА

1. Parker B. Toward an Understanding of Borderland Processes / B. Parker // *American Antiquity*. – 2006. – 71 (6): 77–100.
2. Бреский О. От транзитологии к теории Пограничья. Очерки деконструкции концепта «Восточная Европа» / О. Бреский, О. Бреская. – Вильнюс : ЕГУ, 2008.
3. Sahlins P. Boundaries. The Making of France and Spain in the Pyrenees / P. Sahlins. – Berkeley : Univ. of California Press, 1989.
4. Болтански Л. Критика и обоснование справедливости : очерки социологии градов / Л. Болтански, Л. Тевено; пер. с франц. О. В. Ковеневой ; под науч. ред. Н. Е. Копосова. – М., 2013.
5. Paul A. David Path dependence, its critics and the quest for historical economics in Evolution and Path dependence / A. Paul. – Mode of access: <http://www.siepr.stanford.edu/workp/swp00011.pdf>
6. Нуреев Р. М. Институциональная среда российского бизнеса – эффект колеи / Р. М. Нуреев. – Режим доступа: <http://rustem-nureev.ru/wp-content/uploads/2011/05/388.pdf>
7. Кирдина С. Эффекты Path dependence и экономии от масштаба в российском законодательстве / С. Кирдина, А. Рубинштейн. – Режим доступа: http://kirdina.ru/doc/news/10_jan15/2.pdf
8. Utz R. Nations, Nation-Building, and Cultural Intervention : A Social Science Perspective / R. Utz, A. von Bogdandy and R. Wolfrum, (eds.), *Max Planck Yearbook of United Nations Law*. – 2005. – Vol. 9.
9. Кауненко И. Что этнопсихология может предложить системе образования / И. Кауненко, Н. Каунова // *Psihologie*. – 2011. – № 2.
10. Шорников П. М. Молдавская самобытность : монография / П. М. Шорников. – Тирасполь : Изд-во Приднестр. ун-та, 2007.
11. Мир становится менее религиозным // Центр гуманитарных технологий. – Режим доступа: <http://gtmarket.ru/news/2012/08/02/4743>
12. Cojocar N. Religious Attitudes in Moldova : The Metropolitan Church of Bessarabia and The Baptist Community / N. Cojocar, R. Sintov. – Mode of access: <http://ejournals.vdu.lt/index.php/grupes/article/view/272>
13. Populația stabilă pe medii // *Anuarul statistic al Republicii Moldova*. – Ch. : Statistică, 2013.
14. Repartizarea populației după participarea la activitatea economică // *Portatul Guvernamental al Datelor Deschise*. – 2016. – Mode of access : <http://www.date.gov.md/ro/aplicatii/harta-animat%C4%83-%E2%80%9Drepartizarea-popula%C5%A3iei-dup%C4%83-participarea-la-activitatea-economic%C4%83%E2%80%9D>
15. Global AgeWatch Index 2015. Insight report. – P. 20. – Mode of access: http://www.ageinternational.org.uk/Documents/Global_AgeWatch_Index_2015_HelpAge.pdf
16. Global rankings table. – Mode of access: <http://www.helpage.org/global-agewatch/population-ageing-data/global-rankings-table/>

17. (GRAFIC) Sondaj : 68 % dintre români vor Marea Unire cu Republica Moldova până în 2018. – Mode of access: <http://independent.md/grafic-sondaj-68-dintre-romani-vor-marea-unire-cu-republica-moldova-pana-2018/#.Vvf-UzEfkxh>
18. Amplu marș unionist pe străzile Chișinăului : Unirea devine tot mai popular. – Mode of access: <http://independent.md/foto-amplu-mars-unionist-pe-strazile-chisinaului-unirea-devine-tot-mai-populara/#.Vvf9HDEfkxg>
19. Торгпред России в Республике Молдова Владислав Дарвай: «Наша основная задача – способствовать росту товарооборота между Россией и Молдовой». – Режим доступа: <http://economy.gov.ru/mines/press/news/150520151841>
20. Молдова и ЕС. – Режим доступа: http://eeas.europa.eu/delegations/moldova/eu_moldova/index_ru.htm
21. MEPs back new rules on over €51 billion in foreign policy funding for 2014–2020. – Mode of access: <http://www.europarl.europa.eu/news/en/news-room/20131206IPR30027/MEPs-back-new-rules-on-over-%E2%82%AC51-billion-in-foreign-policy-funding-for-2014-2020>
22. Пашаева Я. Объединение возможно только в условиях захваченного государства. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/Doc/2943953>
23. Национальная идея России : в 6 т. / под ред. С. С. Сулакшина. – М. : Научный эксперт, 2012.
24. Общественное мнение – 2014. Ежегодник. – М. : Левада-Центр, 2015.
25. Общественное мнение – 2015. Ежегодник. – М. : Левада-Центр, 2016.
26. Зайончковская Ж. Миграционные тренды в СНГ : итоги десятилетия / Ж. Зайончковская // Миграция в СНГ и Балтии : через различия проблем к общему информационному пространству / под ред. Г. Витковской, Ж. Зайончковской. – М. : Адамантъ, 2001.
27. Путин рассказал о многочисленных нарушениях прав и свобод российских граждан. – Режим доступа: <http://www.novayagazeta.ru/news/1701646.html>
28. Миграция в России 2000–2012. Хрестоматия : в 3 т. – М. : Спецкнига, 2013. – Т. 2.
29. Жизненный мир россиян : 25 лет спустя (конец 1980-х – середина 2010-х гг.) / под ред. Ж. Т. Тощенко. – М. : ЦСП и М, 2016.
30. Модернизационный потенциал Воронежской области : опыт исследования и условия реализации : монография / под ред. А. В. Глуховой. – Воронеж : ИСТОКИ, 2013.

Воронежский государственный университет
Сиденко О. А., кандидат политических наук, доцент
кафедры социологии и политологии
E-mail: sidenko-olga13@rambler.ru
Тел.: 8 (473) 221-27-43

Щеглова Д. В., преподаватель кафедры социологии
и политологии
E-mail: bruenen@mail.ru
Тел.: 8 (473) 221-27-43

Voronezh State University
Sidenko O. A., Candidate of Political Sciences, Associate
Professor of the Sociology and Political Science Department
E-mail: sidenko-olga13@rambler.ru
Tel.: 8 (473) 221-27-43

*Shcheglova D. V., Lecturer of the Sociology and Political
Science Department*
E-mail: bruenen@mail.ru
Tel.: 8 (473) 221-27-43